

Время классовой мобилизации?

28 марта 2012 года в Институте социологии НАН Украины состоялась **Всеукраинская научная конференция “Классовые интересы и классовые действия: теории, практики, опыт отечественных исследований”**, организаторами которой выступили Институт социологии НАН Украины и Центр исследования общества под эгидой Социологической ассоциации Украины. Цель организаторов состояла в том, чтобы актуализировать проблематику коллективных интересов и классовых действий, объединить отечественных исследователей, работающих в сфере изучения социальных классов, трудовых отношений, рабочего движения. Пожалуй, это удалось: с докладами выступили исследователи из Киева, Донецка, Харькова; в обсуждениях участвовали представители Федерации профсоюзов Украины и общественных организаций.

С приветствием к участникам конференции обратились заместитель директора Института социологии Евгений Головаха, вице-президент Социологической ассоциации Украины Ольга Куценко и лидер Центра исследований общества Владимир Ищенко.

Евгений Головаха, приветствуя участников конференции от имени Института социологии, отметил, что тема конференции на первый взгляд может показаться необычной, поскольку о классовых интересах и действиях в последние десятилетия говорили мало, хотя когда-то в стенах этого института данная тема была весьма традиционной. Тогдашний институт когда-то “был головным для функционеров коммунистической партии Украины, и классовые интересы здесь отстаивали с большим энтузиазмом, — заметил Е. Головаха. — Думаю, здесь до сих пор присутствуют призраки тех борцов за интересы пролетариата и с интересом слушают все, что мы скажем сегодня. Есть еще один важный момент, делающий эту тему актуальной ныне. Классовые интересы есть не только у трудящихся, но и у самих социологов.

На своем недавнем опыте мы испытали, что именно по ним сегодня особенно болезненно бьет власть¹. Задуматься надо о защите классовых интересов не только угнетенных слоев, но и тех, к которым сегодня принадлежим мы. Ибо наш классовый интерес — это прежде всего достоинство, свобода и отсутствие давления со стороны власти. Напомню, что когда-то такого рода конференции в этих стенах заканчивали лозунгом “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” и пели Интернационал. Времена поменялись: “Социологи, объединяйтесь!”, защищайте свои классовые интересы и интересы тех, кого вы изучаете”.

Ольга Куценко, приветствуя участников от имени Социологической ассоциации Украины, отметила, что “тема, которой посвящена конференция, вечна для социологии и вместе с тем изменчива (в одни периоды тематика классов привлекала большое внимание социологов, в другие — уходила на периферию активных интересов). В последние лет 20 ослабел интерес к исследованию классов, пониманию их роли в структурировании общественных отношений, политическом поведении и т.д. Развернулись бурные дискуссии на разных форумах, в социологических журналах о том, имеет ли класс значение в объяснении современных социальных процессов или это все-таки устаревший концепт. Отталкиваясь от результатов последних международных исследований, многие социологи утверждают, что классы возвращаются. Мы видим активные протестные движения в разных регионах мира, направленные против капиталистического порядка; подобные протесты есть и в Украине. Конференция поможет нам прикоснуться к этой важной тематике. Как обратил внимание Евгений Головаха, с необходимостью защиты своих интересов столкнулись и социологи. И если мы еще не класс, то, по-видимому, им придется стать, поскольку наступило время, когда без объединения усилий, без противостояния хамству и произволу властей уже не обойтись”.

Владимир Ищенко, выступая от имени Центра исследования общества, приветствуя участников и поблагодарив за возможность представить проекты Центра и журнал “Спільне”, выразил надежду, что конференция станет важным шагом в развитии классового анализа в Украине, в возрождении интереса к нему украинских социологов. “Возможно, наше объединение академических и критических публичных социологов станет плодотворным и мы будем с признательностью вспоминать эту конференцию”.

¹ Евгений Головаха имеет в виду неоднократные в 2000-х атаки на Институт социологии: попытки захвата здания и вызов членов Ученого совета на допросы в СБУ в 2012 году.

В рамках *первой сессии “Концептуализации и исследования классовых интересов и классовых действий”*, модератором которой был Сергей Макеев (Институт социологии НАНУ), в фокусе внимания находились теоретико-методологические подходы к пониманию классовых интересов, классовой солидарности и классовой мобилизации, а также результаты эмпирических поисков в данном направлении.

Открывал сессию доклад **Майкла Буравого** (профессор университета Калифорнии, Беркли, президент Международной социологической ассоциации) “Переосмысливая класс в свете новых общественных движений” (Rethinking class in the light of recent social movements). Выступление этого яркого оратора, харизматической личности, признанного исследователя, критического марксиста и публичного социолога, иллюстрированное многочисленными фотографиями и схемами, вызвало большой интерес аудитории и задало высокий уровень дискуссии. Буравой выразил благодарность за приглашение на конференцию, в частности, его порадовало, что на ней будут обсуждать классы. По его словам, в научных и экспертных кругах многих стран пост-социалистического региона (в Польше, Венгрии, России) “класс” — запрещенное, дискредитированное понятие. В Киеве же классу посвящена целая конференция, а также замечательный выпуск журнала “Спільне” под названием “Классовая эксплуатация и классовая борьба”. “Я вообще-то не эксперт по классам, — заметил Буравой, — но меня очень интересует это понятие. Я собираюсь говорить об общественных движениях, которые прошли по всему миру в последние годы, и проанализировать их сквозь призму класса, представив свою критическую позицию по отношению к двум способам анализа класса — в западном марксизме и в теории Карла Поланьи¹.”

Начну с анализа самых ярких общественных движений за последний год. (*Далее Буравой иллюстрирует примеры фотографиями.*) Первое из них — это так называемая “арабская весна”, начавшаяся в Тунисе. Как вы знаете, восстание в Тунисе развернулось после того, как уличный торговец совершил самоубийство. Затем Египет, площадь Тахрир, январь 2011 года — происходит революция, которая вдохновила весь мир. Далее — протесты “движения возмущенных” против последствий фискальной политики суровой экономии в Европе (Испании, Греции, Ирландии), где кризис был во многом обусловлен махинациями финансового капитала. В ряде провинций Китая прошли протесты против изъятия земли субъектами спекуляций земельным капиталом. То же происходило в Индии — массовая борьба граждан против экспроприации земли для специальных экономических зон. Вы знаете, что на этой фотографии? Это студенческое движение в Киеве (я участвовал в этом протесте). Все хорошее начинается в Киеве! (*Аудитория одобрительным смехом поддержала шутку докладчика.*) По всему миру студенты протестовали против коммерциализации образования, повышения платы за образование и ухудшения его качества. Следующие фото — движение “Захвати Уолл-стрит”, которое охватило многие города и США, и Европы, создало новый словарь, новую риторику борьбы 99% населения против 1%. Все эти события привлекают внимание к тому, что мы как социологи должны изучать. В американской социологии исследования стратификации не концентрируются на этом противостоянии: они концентрируются на доходе, а не на богатстве. Однако риторика “99% против 1%” вызвала политическую дискуссию в США; во многих городах движение “Захвати Уолл-стрит” не утихает, привлекая внимание к тому, что финансовый капитал диктует политикам и Конгрессу, как они должны управлять страной.

Я назвал лишь некоторые движения последнего года. Мы находимся на волне социального протеста. Как же нам, социологам, анализировать это? Для начала да-

¹ Буравой: “Хочу использовать конференцию для пропаганды (так называемой “коммунистической пропаганды”, в которой меня обвиняют) и представить журнал “Global Dialogue”, который выходит на 13 языках и размещен на сайте Международной социологической ассоциации”.

вайте подумаем, что эти общественные движения имеют общего между собой. Я выделил четыре особенности. 1. Участники акций протеста (в Мадриде, Каире, Нью-Йорке, других городах) — это преимущественно молодые люди. 2. Это в основном “городская борьба” (исключая протесты в Китае и Индии). 3. То, что волнует молодежь, — это отсутствие или ненадежность будущего для них (что, кстати, очень отлично от тех требований, которые выдвигали студенческие движения в 1960-х годах). 4. Форма протеста — центральное значение здесь имеет прямая демократия, так называемая “демократия участия”. Идея состоит в стремлении к экономической демократии в безгосударственной, безденежной и безрыночной экономике и к самоуправлению в социальной сфере; в стремлении к установлению горизонтальных, а не вертикальных связей, чему способствуют сетевые медиа. За этим стоит разочарование в формальной демократии: протестующие открыли для себя, что государство, правительство не способны контролировать финансовый капитал, наоборот — финансовый капитал контролирует государство. За этим протестом стоит критика капитализма и требование участников движения преобразовать отношения в обществе, достичь желаемого здесь и сейчас.

Это некоторые отличительные особенности происходящих в мире процессов. Как же нам анализировать эти процессы? Мои коллеги в США и в Европе говорят — давайте анализировать их с помощью теорий социальных движений (например, теории относительной депривации, мобилизации ресурсов), которые пытаются вывести общие закономерности коллективного действия. Однако, с моей точки зрения, они теряют общий контекст, поэтому я предлагаю забыть эти теории общественных движений и вернуться к теме нашей конференции — классам. Марксистский классовый анализ начинается с разделения на класс в себе и класс для себя. Класс в себе — это класс как позиция (или, как говорит Бурдьё, — класс на бумаге), в отличие от класса для себя, который является мобилизованной силой. Марксистов интересует вопрос, как класс в себе становится классом для себя? Проблема в том, что обычно класс в себе (по крайней мере угнетенный класс, в том числе рабочий класс) не становится классом для себя. Существует разрыв между классом в себе и классом для себя. Есть два исследовательских подхода к этому вопросу: одни концентрируются на изучении класса в себе, другие — класса для себя. Проблема в том, что они не пересекаются и не соотносятся друг с другом.

Вот схема моего коллеги Эрика Райта: два класса, между которыми антагонизм и поляризация, — капиталисты и рабочий класс. Добавляя мелкую буржуазию, мы получаем уже три класса. Есть еще противоречивые классовые позиции — мелкие предприниматели между капиталистами и мелкой буржуазией, профессионалы между рабочим классом и мелкой буржуазией и менеджеры/супервайзеры между капиталистами и рабочим классом. Но это все “классы на бумаге”, как сказал бы Пьер Бурдьё. В реальности мы не видим такой классовой мобилизации. Бурдьё рисует похожую схему, используя комбинацию критериев по экономическому и культурному капиталу. Другие же исследователи начинают анализ с класса для себя. Например, Эдвард Палмер Томпсон в своей знаменитой книге исследует, как в первой половине XIX столетия формировался рабочий класс в Англии; однако он никогда не обращается к исследованию класса в себе, и оказывается, что многие из героев его книги являются не рабочим классом, а ремесленниками. Итак, подходы, которые концентрируются на классе в себе или классе для себя, не очень хорошо работают, и нам нужно что-то новое. Вместо того, чтобы обсуждать дальше названные подходы, я перейду к совершенно новой перспективе — теории Карла Поланьи.

Во-первых, если Маркс в своем анализе концентрируется на производстве, то Поланьи — на рынке. Это очень важно для настоящего времени, поскольку я считаю, что сейчас происходит третья волна маркетизации во всем мире. Во-вторых, происходит переход от исследований эксплуатации (то есть извлечения прибыли капиталистами посредством рабочих) к исследованиям коммодификации. Мир все больше

и больше превращается в товар, а пребывание эксплуатируемым все больше превращается в привилегию. В настоящее время не быть эксплуатируемым хуже, чем быть таковым. В-третьих, мы переходим от пролетариата к прекариату — от эксплуатируемых рабочих к рабочим, находящимся в ситуации нестабильной занятости. (Впервые это понятие было употреблено Бурдые для обозначения рабочего класса, который не имеет надежной занятости и надежного будущего.) Все большая часть населения поглощается этим прекариатом с ненадежной основой для существования. В-четвертых, Поланьи вводит понятие фиктивных товаров, то есть тех товаров, которые не должны быть товарами (труд, земля, деньги), так как иначе они становятся неэффективными. Коммодификация денег, например, — это причина происходящего в мире финансового кризиса, основной объект критики движения “Захвати Уолл-стрит”, которое обвиняет финансистов в том, что они управляют миром. Во многих регионах мира (Латинской Америке, Индии, Китае) коммодификация земли приводит к ее изъятию. Без поддержки социального государства труд становится все более коммодифицированным и все более нестабильным. Есть и еще один фиктивный товар, о котором не говорил Поланьи, — знание. Коммодификация знаний происходит прежде всего в университетах. По всему миру университеты в кризисе именно из-за коммодификации знаний. Если в Украине вам все еще удастся этому противостоять, то, как сказал Маркс, свое будущее вы уже можете увидеть. То есть все страны мира будут следовать той модели, которая сейчас осуществляется в Великобритании, — коммодификация знаний и коммодификация университетов. Мы должны осмыслить соотношение этих четырех элементов. В национальных контекстах они артикулируются по-разному. Временные рамки доклада не позволяют разъяснить все это, но именно оно и задает перспективу, которую я хочу развивать, которая концентрируется не на производстве, а на рынке, рыночной нестабильности, создающей прекариат по всему миру. Однако я остаюсь марксистом, поскольку подъемы и спады на рынках мы можем понять в той мере, в какой анализируем производство и накопление. Но тот опыт, с которым сталкивается большинство людей в мире, — это рынок, и рынок будет определять и жизненные обстоятельства, и возможности для протеста. Протесты говорят о том, что государство больше не способно регулировать рынки. И новая форма демократии — не формальная, а низовая, прямая демократия; это то, к чему стремятся протестующие”.

В докладе **Ольги Куценко** и **Андрея Горбачика** (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) “Расколы классовых позиций и политическая мобилизация” излагались результаты исследования связи между оппозиционными классовыми позициями и проявлениями политической мобилизации социальных классов в ряде европейских стран (в этом номере журнала представлена статья Куценко по данной тематике). Классовые позиции определяются как составляющая объективных структур, порожденных неравенством доступа больших социальных групп к ресурсам. Противоположные классовые позиции (операционализованные на основе схемы Э.О.Райта) выделяются в соответствии с тремя линиями социально-экономических расколов общества: капиталистический раскол “капитал — наемный труд” (“капиталисты” vs “традиционные рабочие”); этакратический раскол “бюрократический контроль — исполнение” (“управленцы” vs “исполнители”); меритократический раскол “экспертное знание — дефицит знания” (“эксперты” vs “малообразованные”). В качестве индикаторов политической мобилизации, понимаемой как побуждение к участию в активных формах политической жизни, взяты разные виды политической активности (электоральная, протестная, организационная); политико-идеологические ориентации, доверие к политическим институтам; интерес к политике. Дав определение основных концептов, докладчики уточнили свой исследовательский вопрос: насколько значимы различия в политической мобилизации оппозиционных социальных классов по основным линиям социальных расколов? Есть ли особенности в проявлении таких различий между европейскими

странами: с более успешным (“Север”) и менее успешным (“Юг”) традиционным рынком, с более успешным (“Запад”) и менее успешным (“Восток”) постсоциалистическим рынком? Эмпирической базой послужили данные Европейского социального исследования (ESS-4). Европейские страны сгруппированы в четыре группы: “Север — рынок” (Великобритания, Франция, Нидерланды), “Юг — рынок” (Португалия, Испания, Греция), “Запад — постсоциалистический рынок” (Польша, Чехия, Венгрия), “Восток — постсоциалистический рынок” (Украина, Россия, Болгария).

Авторы сформулировали четыре основных вывода. 1. В проявлениях политической мобилизации социальных классов в европейских странах существуют значимые различия, чем подтверждается реальность социальных классов как субъектов политических действий и факторов социальной динамики. 2. Структура системы классовых неравенств 3-компонентна: значимыми являются все три оси — капиталистическая, этакратическая и меритократическая. 3. Устойчивая политическая мобилизация в целом более характерна для сильноресурсных социальных классов (это — либо обновленные классы капиталистов и управленцев, либо восходящий класс экспертов). 4. Полученными данными подтверждается тезис “отхода” рабочего класса с арены политической борьбы — как в “старых”, так и в “новых” рыночных обществах.

В докладе **Елены Симончук** (Институт социологии НАН Украины) “Формирование классов в Украине: перспектива классового действия” представлены результаты исследования, цель которого состояла в проверке двух гипотез — о постепенном формировании в Украине “классов для себя” (состоящих из социальных групп, обладающих классовым сознанием и готовых вести борьбу в защиту своих интересов) и о том, что рабочий класс не является безусловным лидером этого процесса. Для проверки выдвинутых гипотез на материалах статистики, глубинных интервью, данных национальных и международных сравнительных проектов проанализированы динамика уровня и характера забастовочной активности в Украине и влиявшие на нее факторы; изучены субъекты рабочего движения; степень участия представителей социальных классов в профсоюзах и политических партиях, а также уровень их доверия к этим организациям. Эти аспекты исследованы как во временной перспективе (последние двадцать лет), так и в сравнительной (в сопоставлении с постсоциалистическими и развитыми западными странами). Анализ данных статистики наглядно демонстрирует, что в течение последних двух десятилетий забастовочное движение было крайне неравномерным: волнообразный характер в 1990-е годы (налицо подъемы по числу забастовок и их участников в 1991, 1994, 1997), а в 2000-е наблюдается почти полное его затухание. Докладчик предложила свое объяснение причин демобилизации наемных работников, выделив семь факторов снижения уровня забастовок в постсоветской Украине: улучшение экономической конъюнктуры, законодательное урегулирование правил проведения забастовок (усложнение процедуры начала забастовки), институционализация модели социального партнерства, изменения в сфере труда (гибкость труда, аутсорсинг, откуда рост занятости на основе временных контрактов, неформальной занятости, индивидуальных контрактов; сдвиг от занятости на государственных предприятиях к занятости на частных), состояние коллективной организации противостоящих классов — движения профсоюзов и движения работодателей (уровень членства, уровень внутренней консолидации членов, уровень доверия к организации), фактор методики фиксации забастовок (незаконные забастовки с несоблюдением прописанных процедур статистикой не учитываются).

Подтвердилась гипотеза, что рабочий класс, первым в начале 1990-х получивший мобилизационный опыт в разрешении трудовых конфликтов, тем не менее, не являлся исключительным лидером протестного движения в течение последних двадцати лет. Результаты исследования свидетельствуют, что все эмпирически доступные социальные классы почти в равной мере приобрели опыт участия в забастовках. Автор эмпирически обосновывает вывод о том, что все классы имели подоб-

ные (или не отличающиеся принципиально) причины для протестов. Среди них: снижение численности рабочего класса, возрастание его качественной неоднородности, сравнимое с другими классами материальное положение по объективным и субъективным оценкам, подобный опыт безработицы и шансов потерять работу, сходство социально-экономических установок, политических и электоральных симпатий, склонности к коллективным действиям, уровня объединения в общественно-политические организации и доверия к партиям и профсоюзам; сходная тенденция к индивидуализации, решению своих проблем собственными силами (через заключение индивидуальных договоров, обращение в суды, переговоры с линейным руководством), а не через какие-либо формы коллективного объединения.

Обсуждение докладов первой сессии включало много вопросов и активный обмен мнениями. **Евгений Зильберт** (активист Всеукраинской организации “Контроль ради справедливости”, являвшейся организатором многих протестных акций предпринимателей в последние три года), отметив, что прослушанные доклады во многом меняют сложившиеся представления, предложил свое видение классовой структуры в Украине, основанное на разделении по интересам представителей тех или иных классов. “Есть группа людей, которая заинтересована в тотальном контроле над распределением украинских ресурсов и их присвоении, — это не только олигархи (хозяева крупных предприятий), но и чиновники высшего (первого–третьего) ранга. Второе — у нас очень весомо количественно представлен класс рантье — это пенсионеры (серьезно влияющие на власть, поскольку являются наиболее электорально и общественно активными; это основной электорат выборов, приведший к власти тех, кто сегодня нами управляет). У этого класса собственный интерес — расширить свои пенсии и льготы. Согласно этому интересу, к тем же рантье относятся сегодня и чернобыльцы, и афганцы. Они отстаивают свои конкретные интересы — их лишили льгот, они вышли на забастовку. Но сегодня они ставят вопрос уже не только о возвращении льгот, а о смене системы отношений в обществе на более, на их взгляд, справедливые. Еще один класс — это наемные работники, к которому мы относим не только рабочих, но и учителей, врачей и т.д. — всех нанимаемых государством бюджетников. (Сегодня квалифицированный рабочий у Ахметова, может быть, в большей мере относится к среднему классу, чем учитель, поскольку получает вдвое больше, и детей своих он будет учить лучше, чем учитель; у него есть больше финансовых возможностей.) И последний класс — тот, что вы называете “мелкая и средняя буржуазия”, а мы — “самозанятыми людьми и предпринимателями”. На наш взгляд, конфликт сегодня зреет в основном между классом олигархов и высших чиновников (мы их называем властью-имущими) и мелкой буржуазией, потому что рынок труда переполнен, а у класса властью-имущих мы видим желание превратить мелких предпринимателей в наемных работников с минимальной зарплатой (поскольку у них квалификация низкая, а в промышленности не хватает как раз работников низкоквалифицированного труда). Против давления налогового кодекса и протестуют предприниматели”.

В ходе обсуждения доклада Симончук неоднократно возникали вопросы о доверии к данным Госкомстата, ограниченности их показателей в анализе трудовых протестов. Отвечая на вопрос по поводу использования данных статистики, Симончук отметила, что “сомневаться в них можно и нужно, эти проблемы отечественной статистики давно известны и постоянно критикуемы. Кроме того, никакой информации о причинах и результатах забастовок статистика не собирает. Зато ее данные позволяют оценить уровень забастовочной активности Украины в сравнении с большим числом стран в течение десятилетий. Пока ни один отечественный исследовательский центр, детально изучая анатомию забастовок, не может обеспечить длительный мониторинг и международно сравнимую методологию. Поэтому к данным официальной статистики надо относиться критически, но понимать, что другого инструмента для целей сравнения у нас нет”. Ольга Куценко в комментарии к докладу Симончук относительно анализа возможных причин, которые в комплексе

привели к существенному падению забастовочного движения, акцентировала внимание на том, что в условиях падения коллективности труда из-за сокращения занятости на крупных предприятиях возникают альтернативные формы коллективных протестов, которые организуются с помощью мобильных телефонов, Интернета, социальных сетей. Не в рамках отношений труд–капитал, а за их пределами. “Следовало бы наряду с забастовкой изучить и другие формы массовых протестов и отследить их динамику. Возможно, оказалось бы, что сокращаются забастовки и растут массовые протесты предпринимателей, учителей, чернобыльцев и т.д.”. Евгений Зильберт раскрыл анатомию организации протестных акций предпринимателей. В частности, что касается оплаты участия в акциях, финансирования большинства организаций не на членские взносы, а на деньги спонсоров (в качестве которых выступают местные политики или определенные политические силы). “В результате большинство политических партий и общественных организаций Украины работают на интересы класса властимущих, поскольку содержатся на их деньги, создаются по их инициативе. Это — политика только для политиков. Поняв это на собственном опыте, мы решили больше в таких акциях не участвовать, вышли из этих проектов, больше политикам не верим, поэтому в Уставе нашей организации записано — как только кто-то из членов идет в политику или во власть, он автоматически лишается членства в нашей организации. Главный инструмент, который сегодня нужен бизнесу, — это контроль над властью, иначе нас всех сметут”.

Вторая сессия “Отношения занятости как генератор трудовых конфликтов”, которую модерировала **Светлана Оксамитная** (Национальный университет “Киево-Могилянская академия”), включала пять докладов.

Светлана Бабенко (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) в докладе “Социальные неравенства занятости: от социального включения к социальному действию”, опираясь на широкую эмпирическую базу данных социологических проектов и официальной статистики, представила анализ социальных неравенств, конструируемых в сфере занятости. “Занятость (в широком смысле — трудовая деятельность, а не только официальное трудоустройство) является одним из ведущих механизмов социального включения человека в систему социальных статусов, социально-экономических отношений, межличностного взаимодействия. Формы, сферы и форматы занятости (формальная и неформальная, по найму и самозанятость) становятся основанием для формирования и реализации ценностей, классовых идентичностей, способов социального действия. Социальные неравенства занятости формируются в двух плоскостях. Первая плоскость — неравенство доступа к занятости и, соответственно, шансы попасть в ряды безработных и преодолеть безработицу благодаря новому трудоустройству. Эти неравенства обусловлены возрастом, полом, образованием, местом проживания, спросом на рынке труда (востребованностью определенных квалификаций и структурой экономики региона), а также установками на трудоустройство и трудовую миграцию. Плоскость неравенств второго порядка обусловлена структурными особенностями украинской экономики и заключается в неравенствах занятости в официальной и неформальной сферах экономики, а также особенностями незанятости, что проявляется в незанятости как безработице и пребывании вне сферы занятости (студенчество, ведение домохозяйства, пребывание на пенсии, приобщение к системе социальной защиты по нетрудоспособности). Эти неравенства второго порядка приводят к разному уровню доступа к системам обеспечения качества жизни, а также, как свидетельствуют результаты международных исследований, вследствие особенности социальной включенности существенно влияют на систему ценностей и установок: в плане доверия к социальным институтам, межэтнической толерантности, классовых конфликтов, откуда формируются различные паттерны социального участия и общественного согласия (social cohesion).

В последние годы в Украине проводят ряд специальных международных исследований, направленных на изучение ситуации занятости и ее связи с качеством населения и качеством жизни в Украине по сравнению с другими странами мира. Такой интерес объясняется тем, что Украина попала в группу наиболее социально незащищенных стран с самым масштабным сокращением населения в Европе и на территории бывшего СССР в последние 20 лет, со стремительным расширением неформального сектора экономики и неформальной занятости, в том числе неформальной и официальной трудовой миграции, и с наихудшими показателями роста коррупции и падения качества жизни. Для украинского общества наиболее существенными стали социальные неравенства неформальной занятости, что отразилось в распространении бедности и незащищенности перед работодателем, исключении из системы легального взаимодействия с государством, в масштабных нарушениях прав наемных работников на получение заработной платы и достойное отношение к ним. Особенности проявлений социальных неравенств занятости напрямую связаны с распространенной ситуацией социальной аномии, когда утвердилось амбивалентное отношение к таким вещам, как: 1) “зарплаты в конвертах” (установки на ценность официальной занятости и получение “белой” зарплаты компенсируются неформальными установками на договор с работодателем о более высокой по сравнению с минимальным уровнем оплате минуя неоправданно высокое и осложненное неформальными выплатами формальное налогообложение); 2) “трудоустройство по знакомству” (что, с одной стороны, ограничивает возможности меритократического трудоустройства, а с другой — дает определенные гарантии в условиях неформальных трудовых договоров); 3) установки на недейственность социальных протестов и накопление напряженности и неудовлетворенности существующим социальным порядком”.

Анатолий Арсеев (Институт социологии НАН Украины) в своем докладе представил критический взгляд на первый глобальный финансово-экономический кризис, охвативший весь мир в конце 2008 года, и современное положение трудящихся. Главной причиной “новой Великой депрессии” докладчик назвал “крах старых социальных структур накопления и переход к финансиализации как новому режиму накопления, в рамках которого деньги делают деньги, удовлетворяя жажду наживы финансовой олигархии в ущерб развитию реального сектора экономики. В результате заложниками кризисной капиталистической экономики стали миллионы людей труда: во всем мире происходит резкое “сжатие” среднего класса; однако главной жертвой кризиса является рабочий класс. Антирабочая политика в мире капитала привела к падению зарплаты, экспорту рабочих мест в бедные страны в условиях массовой безработицы, появлению армии “работающих бедных”, социальному исключению и маргинализации трудящихся. В ответ на наступление капитала на жизненный уровень и права трудового народа в мире ширится протестное движение против засилья финансовой и промышленной олигархии в высших коридорах власти во всех трех мирах (в странах “ядра”, “полупериферии” и “периферии”)”.

Наталья Лавриненко (Институт социологии НАН Украины) посвятила доклад рассмотрению особенностей процессов институционализации и функционирования в Украине профессиональных ассоциаций и союзов предпринимателей малого и среднего бизнеса как выразителей социально-групповых интересов. Эффективность деятельности бизнес-ассоциаций, а также потребности и ожидания предпринимателей по поводу объединения в такие ассоциации оценивались на основе данных Госкомстата Украины и ряда социологических проектов. Предприниматели видят ряд выгод от членства в объединениях: около половины из них рассчитывают на получение информации о развитии рынка и установление деловых контактов, до трети ценят помощь в работе с правовыми документами, до четверти — контакты с властью, защиту прав предпринимателей и обучение. Причем представители крупного и среднего бизнеса отмечают значительно больше выгод от объединения, чем мелкие предприниматели. Никаких преимуществ не видят 22% представителей

мелкого бизнеса и 12% крупного. Отсутствие желания становиться членами объединений более половины мелких предпринимателей и до 40% крупных и средних объясняют отсутствием необходимости, среди остальных: около 5% считают, что в их районе нет бизнес-ассоциаций, а около 15% ничего о них не знают, еще столько же не видят от них пользы, 5% отмечают слишком высокие членские взносы и только 1% имели негативный опыт членства. При анализе особенностей становления и развития в Украине профессиональных объединений, ставящих целью защиту интересов малого, среднего и крупного бизнеса, докладчица сделала акцент как на общих интересах этих трех видов бизнеса и их ассоциаций, так и на противоречиях и борьбе интересов между малым/средним и крупным бизнесом.

Игорь Дубровский (Харьковский национальный университет внутренних дел) в докладе “Латентные протесты и воспроизводство теневой экономики”, подчеркнув актуализацию проблематики протеста в Украине, отметил, что особого внимания требуют имманентно конфликтные социально-трудовые отношения, где именно коллективные действия становятся концептуальной основой современных моделей социального диалога, которые предусматривают оформление участия сторон, представляющих и защищающих интересы работодателей (в лице их организаций) и наемных работников (в лице профсоюзов), предполагают наличие институциональных и правовых оснований их взаимодействия. Однако в последние десятилетия сложились процессы, которые препятствуют открытости групповых позиций и мобилизации групп, что приводит к “уходу как субъективному протесту”, к латентности протестных настроений и действий. Докладчик отметил ряд тенденций, обусловленных трансформацией трудовой сферы: “широкомасштабная индивидуализация трудовой деятельности, предполагающая регулирование отношений между работниками и работодателями на основе индивидуальных контрактов; распространение такой формы трудовых отношений, как ситуативная временная рабочая группа; “атомизация” производства — деление крупных предприятий на автономные подразделения по признаку трудовых функций; использование в организации производства аутсорсинга, то есть делегирование трудовых задач работникам других предприятий или даже отраслей; изменение самой структуры труда вследствие стремительного развития технологий; виртуализация труда как результат информационных технологий, приводящая к отсутствию непосредственных контактов как работников и работодателей, так и работников между собой и нивелирующая само понятие рабочего места. Все эти тенденции усложняют или даже делают невозможным коллективное регулирование трудовых отношений, объединение работников в разного рода организации для защиты интересов, формирование групповой идентичности и солидарности, мобилизацию для защиты своих прав. И субъективный протест, и названные изменения трудовой сферы обуславливают уход большого числа экономически активного населения Украины в неформальную экономику. В компаниях, не имеющих юридической регистрации, отсутствуют легальные механизмы для обеспечения условий контрактов, защиты своей собственности или урегулирования споров, поэтому для них рискованно вести бизнес с контрагентами, не имеющими отношения к их непосредственному окружению. Впрочем, в условиях “индивидуализации выживания” эта ситуация “исправляется” за счет коррупционных и других криминальных схем. В этих условиях трудовой конфликт становится нерегулируемым, снижается уровень защищенности работника, растет уровень социальной напряженности, превращая протестные настроения в фактор неустойчивости социально-экономической системы. Все это актуализирует проблематику латентных протестов”.

В фокусе доклада **Александра Димитревича** (Харьковский национальный университет внутренних дел) были групповые интересы и протестные настроения отдельной профессиональной группы — моряков Украины: “Среди факторов формирования протестных настроений и действий среди моряков ряд исследователей называют нерегулируемые конфликты в сфере труда. В качестве поля управления конфлик-

том предполагается “профессиональная автономия” — определенная идеальная модель, позволяющая сфокусировать внимание исследователей и практиков в конкретной области, регулировать процесс на законодательной основе. Однако в Украине такая социально-профессиональная группа, как моряки, не соответствует критериям профессиональной автономии вследствие “размытости” групповых границ и разрушения соответствующих отраслевых структур (объемы перевозок грузов морским видом транспорта с 1990 по 2010 год сократились более чем в 13 раз, доля грузооборота — в 25 раз). Это превращает украинских моряков в уязвимую профессиональную группу, что подтверждается большим количеством их обращений за помощью в национальные и международные морские миссии и профсоюзные организации (ПГОМП, МФТ, ISAN). Снижение уровня защищенности моряков и недоверие с их стороны к установленным государством процедурам регулирования конфликта повышают уровень субъективной неудовлетворенности работой и формируют негативную профессиональную идентичность, что выражается в форме скрытого протеста и провоцирует теннизацию (даже криминализацию) отношений на морском рынке труда”.

Третья сессия “Классовые протесты и социальная критика”, которую модерировала Елена Симончук (Институт социологии НАН Украины), была посвящена деятельности “Центра исследования общества”. Сначала **Владимир Ищенко** презентовал Центр, созданный в 2009 году для проведения исследований социальных проблем и коллективных протестов в Украине. Основными направлениями его деятельности являются мониторинг и анализ протестной активности, образовательных реформ, трансформации городского пространства, проблематика бедности, бездомности и социальной сегрегации, гендерного неравенства, проявлений ксенофобии и расизма. Вторым проектом Центра является издание с 2010 года журнала “Спільне”, главными темами первых трех выпусков которого стали криминализация социальных проблем, трансформация городского пространства и проблемы образования. Далее докладчик представил четвертый выпуск журнала “Классовая эксплуатация и классовая борьба”, кратко охарактеризовав концепцию выпуска: “Сегодня более или менее активно развивается анализ классового разделения и классовой мобильности, но остаются без должного внимания отношения между классами. Этот выпуск отличается осознанной и четкой направленностью на то, что классы (по крайней мере основные классы капиталистического общества) находятся в антагонистических отношениях между собой. Собственно поэтому выпуск назван “Классовая эксплуатация и классовая борьба”. Сама структура выпуска построена так, чтобы предоставить убедительные аргументы в защиту анализа классовой эксплуатации и классовой борьбы”.

Затем докладчик дал общее описание публикаций четвертого выпуска журнала: “Первый раздел, посвященный основам классового анализа в современных капиталистических обществах, открывается впечатляющим текстом Майкла Швальбе, который доказывает, что классовая борьба имеет место везде, где сталкиваются антагонистические интересы собственников капитала и наемного труда. Эрик Олин Райт предлагает убедительные ответы на “вечные вопросы” о “среднем классе”, классовых позициях детей и жен, изменении классовых позиций на протяжении жизненного пути. Майкл Буравой привлек внимание к диалектике борьбы против эксплуатации и исключения в современном мире. Михаил Собуцкий в противовес постмодернистам, заявляющим об “исчезновении классов” вследствие временного ослабления классового сознания, отстаивает политэкономическую природу класса, которая не сводится к идентичности, и одновременно подчеркивает, что наемный труд остается универсальным классом”. Второй раздел журнала, по мнению докладчика, доказывает, что классовую эксплуатацию и борьбу легко можно увидеть вокруг нас: “в снижении и сдерживании роста зарплат, увеличении рабочего дня, разрушении солидарной пенсионной системы, а еще это изнурительный физический труд в деградирующей постсоветской промышленности (об этом идет речь в мате-

риалах Дениса Горбача, Алексея Ведрова, Александра Гарина и Евгении Белору-сец). “В третьем разделе выпуска, — продолжает В.Ищенко, — мы рассказываем о некоторых распространенных в Украине “новейших” и “нестандартных” формах занятости / классовой эксплуатации: неформальная, никак не оформленная и никак не защищенная занятость, заемный труд (на основе передачи функций субподрядчикам или найма персонала через агентства занятости с уменьшением оплаты и гарантий труда), совмещение студентами работы и учебы. За идеологическими клише о “гибкости” и “мобильности” неолиберального капитализма в действительности скрывается жестокая и более интенсивная эксплуатация”. Четвертый раздел, посвященный рабочим протестам, открывает Беверли Силвер и начинает с мир-системного анализа причин кризиса рабочего движения и его перспектив в XXI веке, цель которого — увидеть украинскую ситуацию в глобальном контексте. Дениэл Валкович и Олег Дубровский анализируют особенности рабочей мобилизации в позднем СССР и в первые годы независимости Украины. Причины слабости рабочего движения в постсоветских странах обсуждаются в интервью с Давидом Манделем и в рецензии на его книгу. Анастасия Рябчук и Виталий Атанасов анализируют инновационный и отчасти эффективный протест — захват рабочими Херсонского машиностроительного завода с требованиями его национализации. “Материалы последнего раздела, — отмечает В.Ищенко, — развеивают розовый романтизм вокруг профсоюзов. Профсоюз — это рутинная и зачастую грязная работа, — рассказывает Виталий Махинько, а незарегистрированный профсоюз может оказаться даже вредной для рабочих авантюрой, что ярко описано в статье Захара Поповича. Восточноевропейские профсоюзы, которым посвящена статья Адама Мрзовицкого и Трийн Роосалу, могут быть фактором “цивилизованности капитализма”, но вряд ли чем-то большим. Ведь в итоге профсоюзы заинтересованы в непрерывном производстве на предприятии, как замечает Френсис Фокс Пивен, и это неминуемо ограничивает их радикализм. Не стоит ли тогда рассмотреть по-настоящему революционные формы рабочей самоорганизации и вернуть “диктатуре пролетариата” то первичное содержание, которое в нее вкладывали основатели марксизма? До этого этапа классовой борьбы, однако, еще далеко. Пока в нашей стране мы видим в основном разобщенные, локальные и защитные рабочие протесты. Трудно сказать, как скоро украинский пролетариат будет способен на организованное наступление в защиту своих общекалассовых, а не только узких интересов. Однако мы абсолютно уверены — классовая эксплуатация и классовая борьба формируют центральный конфликт нашего общества”.

Далее авторы двух упомянутых выше статей журнала “Спільне” более подробно изложили результаты собственных исследований. **Денис Горбач** (экономический журналист, активист Автономного союза трудящихся) представил свою статью “Производительность труда и классовая эксплуатация в Украине”: “Откуда вообще возник интерес к понятию производительности труда? Человек, занимающийся вопросами трудовых отношений в Украине на практике (в ситуации принятия трудового законодательства, реальной борьбы рабочих за повышение зарплаты или наоборот со стороны капиталистов за ее снижение), рано или поздно сталкивается с тем аргументом, что наемные работники просто с жиру бесятся, ведь их зарплата увеличивается быстрее, чем повышается производительность труда. Из этого имплицита выводится тезис о том, что нужно работать лучше (быть более старательным, усердным), работать больше часов в сутки и в неделю, тогда сможете претендовать и на большую зарплату. А если вы не создаете избыточной стоимости, на что в таком случае вы можете претендовать? Этот тезис — продукт манипуляции, как правило, даже неосознанной. Ее жертвами являются те представители объединения работодателей и популярные среди прессы так называемые экономические эксперты, которые озвучивают этот тезис, не осознавая его до конца. Как я показываю в статье, производительность труда и ее повышение зависят преимущественно от собственника-капиталиста, поскольку это обусловлено обновлением капитала (оборудова-

ния и т.п.). От наемного работника зависит изменение другой величины интенсивности труда (сколько физических движений он осуществляет в минуту или как часто он посещает социальные сети на своем рабочем месте). Вездесущий контроль за рабочим, различные методы повышения продолжительности рабочего времени, — все это влияет на интенсивность, которая, к сожалению для капиталиста, имеет определенный биологический предел. Не может работник повысить интенсивность своего труда в разы; если бы это зависело от него, то прогресс остановился бы уже пару веков назад. Производительность труда — это обновление основных фондов, в которое инвестирует или не инвестирует владелец производства. И продукт этой хитрой манипуляции составляет большую часть избыточного продукта, достигающегося капиталисту в его фонд потребления, то есть он меньше инвестирует собственно в расширение производства и меньше расходует на зарплату, оправдывая это озвученным тезисом. Это такой небольшой экскурс в сферу классовой эксплуатации в нашем обществе, примеры чего мы можем увидеть здесь и сейчас, поскольку, как говорится, если вы не замечаете классовой борьбы, это означает, что в данный момент вы в ней скорее всего проигрываете. Это только один пример того, как идеологически используются определенные понятия из области политэкономии ради целей господства или продвижения интересов капитала”.

Алексей Ведров (Институт философии НАН Украины) проанализировал капиталистические идеологии, реконструированные на основе двух ведущих украинских журналов, позиционирующих себя как знамя национальной буржуазии, — “Форбс. Украина” и “Бизнес” (выводы сделаны после ознакомления с подборкой журналов за полгода — с июня по ноябрь 2011-го). “Во-первых, работодатели и собственники предприятий позиционируют себя как представителей и выразителей интересов всего общества, — утверждает А.Ведров. — То есть мотор общественного обогащения они усматривают исключительно в буржуазии. Поэтому в материалах этих журналов мы ничего не найдем о конфликте интересов рабочих и работодателей и очень мало — о социальном диалоге (зачем, ведь интересы работодателей воспринимаются как априори отвечающие интересам рабочих). Если, скажем, увеличивается прибыль предприятий, то автоматически должна бы повышаться и зарплата рабочих (и в этом заключается пересечение интересов двух классов). Второй вывод: если конфликт между работодателем и рабочими полностью скрывают, то конфликт между бизнесом и государством всячески выпячивают. Государство и чиновничество преподносят в виде главных врагов, которые постоянно вставляют палки в колеса бизнеса и мешают ему нормально развиваться; которые, в конечном счете, являются ворами, поскольку через налоги отбирают честно заработанные предпринимателями деньги. Итак, государство — это враг бизнеса, особенно когда оно пытается хоть как-то служить медиатором конфликта интересов между рабочими и работодателями (например, в виде повышения штрафов за нарушение работодателями трудового законодательства). Третий вывод: представляя государство врагом бизнеса, одновременно скрывают структурную связь между бизнесом и государством. Речь идет о том, что сегодняшние неолиберальные реформы фактически проводятся в интересах находящихся при власти конкретных групп крупного капитала, да и всего крупного капитала как такового, независимо от близости к власти и чиновникам”.

Владимир Ищенко, Марина Шпикер, Оксана Дутчак (Центр исследования общества) представили доклад “Протесты наемных работников и мелких предпринимателей в Украине: результаты мониторинга”. В рамках проекта “Ukrainian Protest and Coercion Data”, проводимого Центром исследования общества с 2009 года, фиксируются все протестные события, позитивные и негативные реакции на них власти или других объектов протеста в Украине на основе регулярного мониторинга более 180 национальных, областных и активистских средств массовой информации. Особое внимание уделено протестам вокруг трудовых конфликтов — из-за задержки зарплаты или с требованиями о ее повышении, нарушения трудовых прав,

закрытия компаний или недостаточного финансирования государственных предприятий. В сопоставлении с более общими тенденциями в протестной активности проанализированы динамика рабочих протестов в течение двух последних лет, их участники, цели протестов, тактика, конфликтные вопросы, численность, региональное распределение, характер и частота репрессий и уступок в ответ на рабочие протесты. Представлены также выводы в отношении предпринимательских протестов, а именно обращения предпринимателей к локальным проблемам в 2011 году; сохранения протестного потенциала на фоне неудовлетворенности действиями центральной власти, что выливается в периодические антиправительственные акции; сокращение количества акций и количества участников; рост организованности предпринимательского движения и попытки объединиться с другими группами населения в антиправительственных протестах; всплеск репрессий по отношению к активистам предпринимательских протестов и уступки — в локальных конфликтах.

Анастасия Рябчук (НаУКМА, Центр исследования общества) провела презентацию проекта “Труд и рабочее движение в Украине”: “Один из вопросов, который мы задавали, начиная данный проект в 2010 году: что произошло с рабочими после распада Советского Союза; какое место они занимают сегодня в обществе; каковы условия их труда и жизни? Общеизвестно, что внимание и социологов, и политиков переместилось с рабочего класса (который считался оплотом советского общества) на средний класс, который, как ожидалось, должен стать основой нового капиталистического общества. Рабочие фактически остались в тени, а их опыт переживания трансформации, перехода от плановой к рыночной экономике, причины протестных действий остаются мало изученными. Крайне мало таких исследований, когда исследователи идут к рабочим, пытаются с ними об этом поговорить, узнать побольше об их повседневном опыте. Мы сознательно даем широкое определение того, кого считаем рабочими; фактически это все наемные работники — в промышленности (причем на предприятиях и обанкротившихся, и прибыльных), в сферах услуг, торговли, транспорта, а также бюджетники (работники в сфере образования, здравоохранения и т.п.). В фокусе нашего внимания и трудовые мигранты, как из нашей страны (те, кто вынужден искать работу за границей), так и в Украину, те, кто занят преимущественно в неформальной экономике. Наши исследования междисциплинарные; в команде работают социологи и представители других дисциплин. Среди используемых исследовательских подходов метод так называемой устной истории (концентрирующийся на рассказах свидетелей тех или иных исторических событий); разные визуальные методы (например, в форме документального фильма о протестных действиях рабочих). Одним из направлений нашей деятельности является создание архива, для которого мы собираем различные материалы — интервью с рабочими об их работе, условиях и оплате труда, видеодокументы, фоторепортажи (например, об условиях жизни в общежитиях или в аварийных домах, где рабочие вынуждены жить). После этого мы обрабатываем материалы, исследуем, выкладываем на сайте”.

Виталий Атанасов и Анастасия Рябчук (Центр исследования общества) представили проект “Херсонский машиностроительный завод: приватизация, банкротство, оккупация”, представляющий собой видеодокументацию рабочих протестов на ХМЗ в феврале 2009 года (фильм является DVD-приложением к четвертому выпуску журнала “Спільне”). После демонстрации отрывка из фильма авторы рассказали об истории его создания и опыте видеодокументалистики по данной проблематике: “ХМЗ, достаточно крупный в советское время завод по производству сельскохозяйственной техники, несколько раз перепродавали, а в 2009-м объявили банкротом: всех работников уволили, а они вышли с протестом и оккупировали завод. Мы создали об этом документальный фильм. Идея состояла в том, чтобы вернуться на место тех событий спустя два года и расспросить рабочих об их опыте. Ведь официальную позицию владельца (представленную в ряде телепрограмм и газет) при необходимости можно отыскать в архивах, а позиции самих работников найти гораздо сложнее. Поэтому мы хотели, чтобы голос рабочих остался зафиксированным для исто-

рии. Фильм, длящийся полчаса и снятый на самую доступную видеокамеру, включает взятые нами в 2011 году интервью с работниками в разных ситуациях; архивные видеоматериалы, снятые самими работниками-активистами во время протестов 2009 года, а также видео с телеканалов (где представлены позиции и рабочих, и собственника). Это позволило получить объемную, а не одностороннюю картину событий. Мы пытались анализировать визуальный материал по таким ключевым темам: фактор ваучерной приватизации в десолидаризации рабочих при трансформации плановой экономики в рыночную, вопросы лидерства, роль бюрократических профсоюзов и необходимость независимой организации, которая представляла бы интересы рабочих”.

Обсуждение докладов третьей сессии было достаточно бурным. На вопрос о современном состоянии документального кино в Украине, востребованности тематики рабочего класса и социальных конфликтов (которая была мощным идеологическим инструментом в советский период) Виталий Атанасов ответил, что “рабочий класс и фигура рабочего — сегодня эпизодическая тематика на территории СНГ. На кинофестивалях изредка появляются фильмы, где представлена тематика рабочего класса с набором сюжетов о тяжелых условиях труда рабочих разных стран в разных отраслях (украинские реалии представлены в фильме “Шахта № 8”)”. Далее обсуждался потенциал визуального исследования (как метода, состоящего в социологическом прочтении фото-, кино- и видеоматериалов) в осмыслении трудовых конфликтов и протестных событий (пример — фильм Даниэля Валковица о шахтерском движении на Донбасе в 1989–1991 годах). Обсуждался и вопрос о том, были ли протесты на ХМЗ спонтанным процессом либо организованным или на каком-то этапе поддержанным определенной политической силой.

Ряд вопросов был адресован вызвавшему большой интерес докладу Владимира Ищенко — по поводу методологии мониторинга, его выборки, сравнимости с данными других стран. Детальную информацию о сборе и кодировании данных Ищенко рекомендовал смотреть на сайте Центра, где полностью представлены описание методики и схема отбора сайтов; там же можно ознакомиться с еженедельными обзорами результатов мониторинга общественных протестов, предназначенными для медиа. Он также отметил невозможность сравнения данных мониторинга с зарубежными данными, полученными по схожей методологии. Рассказав об опыте применения в ряде стран программного обеспечения для автоматизации мониторинга протестных событий, докладчик отметил, что организаторы предпочитают делать кодировку вручную, поскольку есть сомнения в полезности полной автоматизации просмотра огромного количества текстов по ключевым словам (обнаруживая похожую динамику в макромасштабах, можно, вместе с тем, снизить качество кодирования индивидуальных событий)”.

Темой четвертой сессии, которую модерировал Владимир Ищенко (Центр исследования общества), было **“Состояние социального диалога в Украине”**.

Виктор Жуков (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) в докладе “Украинская модель социального диалога: реалии и перспективы” кратко представил историю развития этой модели в мире (упомянув о том, что ее реализация была одним из оснований золотого века государства всеобщего благосостояния). Основное внимание докладчик уделил институционализации модели социального диалога в Украине начиная с 1991 года. Автор представил перечень законов, создавших юридическую основу для реализации новой модели в сфере регулирования отношений занятости; историю формирования сторон социального диалога — организаций работодателей и организаций наемных работников (профсоюзов); функции государства как арбитра; развитие инфраструктуры этой модели (создание служб посредничества и примирения разного уровня). В.Жуков дал критическую оценку реализации модели социального диалога в Украине: “Трудовые отношения в Украине за последние 20 лет строились по принципу монополизации сфер влияния профсоюзов и организаций работодателей, существенным признаком кото-

рых являлась лояльность к власти и удовлетворение узкокорпоративных интересов крупного бизнеса. Социальный диалог стал искаженной формой трудовых отношений и средством прикрытия монополизации рынка проолигархическими организациями социальных партнеров при пассивном созерцании со стороны зависимых, слабо организованных и незащищенных наемных работников”. Главной причиной сложившейся ситуации выступающий назвал “развитие, зависимое от прошлого опыта”, от предыдущих структур и ценностей, которые воспроизводятся с участием “новых” социальных акторов. Государство реформатировало старые структуры (профсоюзы) и способствовало созданию новых (организации работодателей), причем и те, и другие стали узлами новых социальных сетей, связанных патрон-клиентелистскими отношениями (вместо государственно-патерналистских в советский период).

Оксана Панькова (Институт экономики промышленности НАНУ) представила доклад “Социально-трудовые конфликты: причины возникновения и пути урегулирования”. Анализируя динамику разных показателей коллективных трудовых споров (КТС) в 1999–2011 годы, докладчица констатировала снижение их количества в 7 раз, а выдвинутых наемными работниками требований — в три раза. “К началу 2012 года в Украине официально зарегистрировано 1687 коллективных трудовых споров и 4216 требований, — отметила О.Панькова. — В отраслевом разрезе наиболее конфликтогенными являются предприятия машиностроения, жилищно-коммунального хозяйства, образования, угольной отрасли, транспорта. В региональном плане зоны локализации социально-трудовых конфликтов сосредоточены в Донецкой и Харьковской областях, АР Крым, Сумской и Запорожской областях. Доминирующие причины возникновения КТС на предприятиях Украины — значительная задолженность по зарплате и несвоевременность ее выплаты; массовые нарушения законодательства в части охраны труда; низкий уровень заработной платы в отдельных отраслях экономики; нарушение социальных и трудовых прав работников в связи с установлением новых или изменением существующих социально-экономических условий труда и производственного быта. Налицо динамика требований работников Донецкой области: с 1999 по 2003 год основными требованиями выступали необходимость своевременной выплаты заработной платы, погашение задолженности по ней, обеспечение спецодеждой, средствами индивидуальной защиты, бытовым углем; с 2004 года требования меняются: введение новых условий оплаты труда в соответствии с законодательно установленным уровнем минимальной заработной платы; обеспечение продуктивной занятости, безопасности условий труда; заключение и перезаключение коллективных договоров. Количество КТС остается небольшим из-за ряда сдерживающих факторов: социальная пассивность наемных работников, неверие в эффективность коллективного сопротивления; напряженная ситуация на рынке занятости — страх потерять работу; отсутствие в коллективах лидеров, готовых взять на себя ответственность за организационные вопросы вступления в КТС; низкий уровень рабочей солидарности; страх работодателя перед официальной регистрацией КТС; низкий уровень правовой грамотности на уровне первичных профорганизаций. К главным препятствиям в развитии социального диалога в Украине относятся: неэффективная государственная политика по защите интересов как наемных работников, так и собственников; девизизация рабочей силы; низкое качество социальной и трудовой жизни; размывание трудовых ценностей; низкий уровень правовой культуры субъектов социального диалога, авторитарный стиль поведения работодателя; распространение теневых трудовых отношений, низкий уровень доверия работающих к профсоюзам, десолидаризация в рабочей среде; неготовность и работодателя, и наемных работников к длительной целенаправленной работе по урегулированию коллективного трудового спора”.

Доклады четвертой сессии вызвали широкую дискуссию, в которой приняли участие представители Федерации профсоюзов Украины (Галина Колосюк и Виктор Иванкевич), а также Всеукраинской организации “Контроль ради справедливости” (Евгений Зильберт, Алексей Шевченко, Олег Котенко). Прежде всего об-

суждение показало отсутствие единого понимания основных концептов у экспертов и практиков. Дискутировались вопросы о сути модели трипартизма и конкретном воплощении ее в Украине; об этапах институционализации модели социального диалога; о различии между понятиями “социальное партнерство” и “социальный диалог” (была ли смена официального названия модели в юридических документах сугубо формальностью или же это связано с изменением ее содержательного наполнения?). Высказывались крайние точки зрения на сегодняшний статус модели социального диалога/партнерства в Украине: “инструмент классовой борьбы, подавления трудовых протестов в руках правящего класса” vs. “эффективное средство социального консенсуса в трудовой сфере”. В ходе обсуждения стало очевидным, что широкой аудитории слушателей модель социального диалога известна лишь в общих чертах; многие плохо представляют себе реальный механизм согласования интересов трех сторон трудовых отношений в отечественной практике, правила и нормы представительства соответствующих сторон на всех уровнях; кто и на основании каких показателей осуществляет мониторинг эффективности этой модели и кто компетентен взять на себя экспертную оценку роли этой модели в защите трудовых/классовых интересов разных социальных акторов.

Завершил конференцию **круглый стол**. В качестве темы для дискуссии модератором **Еленой Симончук** (ИС НАНУ) был предложен вопрос: “Исследование классовых интересов и классовых действий: что и как изучать?” Уточняющие вопросы были поставлены в рамках теории публичной социологии Майкла Бурового: что должны изучать социологи, на какие актуальные вопросы должны ответить для профсоюзов, общественных организаций и т.д.? Какие теоретические и методические подходы адекватны для изучения интересующей нас проблематики? Задачей круглого стола было наметить программу перспективных теоретических и эмпирических исследований.

Анатолий Арсеев высказал мнение, что “социологи не должны подгонять объективную реальность в русло теорий, справедливых лет 10, 20, 30 назад. Процессы регулирования социально-трудовых отношений в современном мире намного сложнее, чем их представили нам практически все докладчики. Традиционно марксизм исходил из того, что государство обладает определенной автономией и может выступать посредником или арбитром между трудом и капиталом. Сегодня речь идет о том, что в большинстве капиталистических стран финансовый капитал нанимает себе правительство. В США законодательно закреплена трехсторонняя модель регулирования трудовых отношений, однако этот закон действует в интересах капитала, а не труда, поскольку сегодня профсоюзами там охвачено лишь 10% наемной рабочей силы. И вот на этом (когда профсоюзы утратили силу и инструмент экономического давления, а государство потеряло автономию) и закончились и трипартизм, и участие государства”. **Наталья Лавриненко** призвала социологов обращать внимание прежде всего на украинскую реальность: “То, что происходит в США, Великобритании, — это очень интересно, но только в качестве обмена опытом. На мой взгляд, мы плохо знаем нашу реальность, а изучая ее, увлекаемся иностранными схемами, которые разработаны для объяснения другого типа общества, а хочется, чтобы мы отталкивались только от собственного эмпирического опыта. Мне лично не хватает таких аналитических материалов об Украине, и долг отечественных социологов заниматься прежде всего Украиной”. Это мнение вызвало возражение у **Ольги Куценко**: “Я бы так не противопоставляла. Конечно, в фокусе внимания должна быть украинская реальность, но наше общество включено в региональные и глобальные связи; то, что происходит в ближнем и дальнем зарубежье, в условиях информатизации и глобализации оказывает на нас значительное влияние. Поэтому мы должны изучать украинские общественные процессы, но в сравнительном контексте, иначе трудно понять происходящее у нас. Нам действительно катастрофически не хватает знаний о нашем обществе, например о том, чем живет мелкий и крупный бизнес, каковы их реальные интересы, каковы противоречия, которые не

только теоретически выявляются на основе наших схем, но и онтологически проявляются. На изучение этих реальных интересов должны быть направлены наши эмпирические исследования”. **Евгений Зильберт**: “Социологические исследования о классах нас действительно интересуют. Например, в чем точка пересечения интересов всех классов (кроме правящего)? Как ее связать с интересом правящего класса? Мы (общественные организации, защищающие интересы мелких и средних предпринимателей, а также афганцев и чернобыльцев) особенно заинтересованы в двух моментах — в гражданском контроле над действиями власти и в поиске лидеров. Проблема — в отсутствии настоящих лидеров общественного мнения, которые пользовались бы доверием людей и могли предложить им социально привлекательную и конструктивную программу. Нам нужна методика выявления таких лидеров”. На возражение **Куценко**, что “лидера можно поддержать, помочь ему раскрыться, но он сам выявляется, если имеет лидерские качества”, **Зильберт** заметил, что на практике общественные активисты не видят, чтобы он сам “выявлялся” — “пасьянс-то один гасуется из года в год, что-то туда никто новый не попадает. Доверия нет ни к Яценюку, ни к Тигипко, ни к Королевской: каждый из них уже обладал определенными властными полномочиями, при этом они преследовали интересы правящего класса. Сегодня нужны новые люди, и нам бы очень хотелось иметь методику выявления лидеров”. **Лавриненко** сформулировала такое предложение: “Возможно ли в рамках мониторинга протестных движений, которые ведет Владимир Ищенко, создать определенный банк данных о харизматических лидерах?” **Куценко** отметила, что “в Украине есть действующие структуры, которые способствуют выявлению лидеров и формированию лидерства (например, школы молодых лидеров при отдельных партиях). Возможно, и при организации предпринимателей нужно создавать подобного рода школы формирования лидеров. Если лидерские качества у человека есть, то они проявятся и в бизнесе, и в политике... В то же время согласна, что пробиться через заслоны нынешней властной элиты молодым лидерам совсем непросто. Здесь уже важна поддержка со стороны гражданского общества”. **Симончук** заметила: “Выявление лидеров — интересная задача, но все-таки не задача социологов. Мы можем исследовать вашу целевую аудиторию (представителей мелкого и среднего бизнеса), изучив, например, сформирована ли у них классовая идентичность, каковы их экономические и политические установки, насколько и при каких условиях они готовы к объединению и мобилизации. Интересен также для исследования вопрос: почему протестные настроения украинцев держатся на очень высоком уровне, при этом реальные протестные действия малочисленны. Важно понять, почему не происходит перехода от протестных настроений к протестным действиям”. **Зильберт** предложил свое объяснение: “Могу гарантировать, что наши активисты готовы сегодня вывести на акции протеста достаточно много людей из своих областей. Но во имя чего? Цель, программа какая? Ради налогового кодекса мы выходили, это была понятная цель. А дальнейшие шаги? Свергнуть власть, а что взамен? Получить во власть тех же людей? Так пусть будут эти, хотя бы знаешь, чего от них ждать. И опыт палаточный, и потенциал мобилизации у нас есть, но какой программный тезис может воодушевить людей для борьбы?” **Галина Колосюк** добавила: “У профсоюзов тоже был грустный опыт. Когда Верховная Рада принимала пенсионную реформу, попробовали вывести наши членские организации. Мы акции проводим редко, но на пенсионную реформу делали ставку (ведь она касалась всех), чтобы показать, что профсоюзы существуют. Причем участвовала не только Федерация профсоюзов Украины, но и большинство альтернативных профсоюзов. У нас ничего не получилось: людей вышло очень мало, около пяти тысяч человек. Тот же Тигипко под Верховную Раду привел огромное число людей за деньги. Теперь очевидно: прежде чем собираться, делать какие-то акции протеста, нужно думать о деньгах для организации”. **Симончук** высказала мнение, что “социологи, как правило, не берут на себя функции выработки программ или выявления лидеров, но готовы предоставить обществу определенную социологическую оптику (например,

теоретическое обоснование классовых интересов, эмпирически обоснованные данные и тенденции). Помогите нам настроить эту оптику, сформулируйте по отношению к нам запрос: что необходимо знать обществу (в лице различных организаций) для того, чтобы эффективно действовать, развиваться? Еще раз: вы должны самостоятельно организовываться и мобилизоваться, а мы можем делать социологическое сопровождение этого процесса, исследуя, например, сколько членов организация объединяет, каков уровень доверия к ней, что ждут люди от членства в организации, какова эффективность ее деятельности”. **Арсенко:** “Мы как социологи, конечно, не можем навязывать свою точку зрения, хотя Майкл Буровой, выступая вчера в Киево-Могилянской академии, сказал, что американские социологи (в рамках пропагандируемой им концепции публичной социологии) высказывают мнение о необходимости создать Социологический интернационал, который изменит весь мир. По моему мнению, вряд ли это посильная задача для социологов. Еще: мы сегодня много говорили о профсоюзах. А что мы от них хотим? Советские профсоюзы (хороши они были или плохи) выступали фундаторами классовой солидарности трудящихся, например участвуя в создании в 1945-м году Всемирной федерации профсоюзов. В начале 1990-х советские профсоюзы сменили свое членство во ВФП, вступив в Международную конфедерацию свободных профсоюзов, характерной чертой которой была соглашательская политика с момента ее создания. Нельзя от соглашательской организации, стоящей на позициях сотрудничества труда и капитала, требовать защиты каких-то классовых интересов и классовых действий”. **Симончук:** “Мне кажется, в современном мире идея классовой борьбы уже не популярна. Майкл Буровой утверждает, что сейчас люди больше боятся социальной эксклюзии, чем классовой эксплуатации. Они боятся выпасть из рынка труда, попасть в зону неустойчивой занятости, стать прекариатом”. **Арсенко:** “Люди боятся и другого. Сегодня украинские профсоюзы выступают за выравнивание заработной платы, имея в виду ее подтягивание в постсоветских странах до уровня американской. Но во время социального реванша, который начался в 1990-м, было сказано — нет, ребята, вы будете выравнивать свою заработную плату по китайцам, получающим 50–60 центов за рабочий день... Неизвестно, что там будет дальше, но тот факт, что в Америке при разгромленных профсоюзах, отсутствии влиятельных политических партий, располагающих реальным влиянием на рабочий класс, тем не менее, люди самоорганизовались в движение под лозунгом “Захвати Уолл-стрит” и полгода, невзирая на расправы со стороны полиции, борются за свои права, вселяет надежду”. **Кущенко:** “Как средствами социологии можно помочь в организации борьбы конкретных классов? Прежде всего надо изучить реальные интересы и потребности конкретных групп людей, социальных классов, а затем показать им (своего рода просветительская миссия) тот потенциал для самоорганизации и отстаивания своих интересов, которым они обладают. Не учить, как бороться, а показать их мобилизационный потенциал. Это то, что могут делать социологи, но не подталкивать к борьбе”.

В заключение **Елена Симончук** от имени организаторов конференции поблагодарила докладчиков за содержательные доклады, вызвавшие заинтересованную дискуссию, и участников круглого стола за конструктивные идеи. По отзывам участников, широкая тематика и предложенная форма конференции позволили консолидировать исследователей и практиков, которым интересна проблематика классовых отношений, протестных движений, социального диалога. Участники поддержали идею сделать обсуждение заявленной проблематики регулярным в формате как конференций, так и публикаций в социологических журналах.

ЕЛЕНА СИМОНЧУК,
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник отдела социальных структур
Института социологии НАН Украины